

ПУГАНЫЙ НАРОД И ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКА ЛОМОНОСОВУ

От редакции:

В настоящее время в России существует 75 интеллектуальных структур, их них 11 институтов РАН, 21 институт, академии, университеты, 14 центров, 11 фондов, которые издают 59 журналов, 17 газет и 35 Интернет-ресурсов [12, с. 355-365]. О чем же печалиться? Читай себе и мотай на ус...

Между тем Россия наследует опыт СССР, в котором хитрость и обман стали нормой, поскольку государство искажало и утаивало информацию. Длительное существование простых и ученых людей в такой атмосфере не благоприятствовало распознаванию лжи и правды (далее ЛИПа). Исследования подтвердили гипотезы: о связи между объективной способностью распознавать ЛИПу и макиавеллизмом личности; о завышенной самооценке способности распознавать ЛИПу по сравнению с объективной оценкой этой способности; о связи между самооценкой способности распознавать ЛИПу и макиавеллизмом; о гендерных различиях в отношении к ЛИПе (женщины больше скрывают правду, чем мужчины); склонные к манипуляции субъекты и институты постоянно используют обман для достижения собственных целей [11]. Современная политика - средоточие лжи [23].

Исследования в сфере социологии чтения и библиотек, проведенные в 1990-е гг. обнаружили две особенности в функционировании исторических романов: редукция к символам «закрытого общества»; пропаганда идеи об исключительности национального сообщества и характера. Это чтение навязывается гражданам как коммерческий продукт, а не как элемент пропагандистской машины государства. Такие книги создаются, распространяются, покупаются и потребляются вне прямого идеологического заказа или диктата со стороны государства, вне его монопольного финансового, экономического, социального обеспечения. Стало быть, советская властная «легенда» усвоена массовым человеком, вошла в его социально-антропологический состав, круг оценок и мотивов действия). У этой версии национального прошлого впервые в российской культурной истории XIX-XX вв. фактически нет ни идейного, ни художественного конкурента: «бои за историю» стихли.

Стандартизированная государственническая версия отечественной и мировой истории выступает нормой массового восприятия настоящего и прошлого. Эта «норма» отсекает все иные конкурирующие значения и оценки. При этом на протяжении последних 15-ти лет шел процесс политической и экономической изоляции России в мире. Однако внутри страны власть, население и большинство СМИ единогласно сконцентрировались на значении, символах и престиже национального целого, его особого исторического пути, судьбы и предназначения [4].

В течение последних 20-ти лет в России стали популярны все формы квазинауки (астрология, уфология, квазибиология, квазимедицина, парапсихология, трансперсональная психология, хронология, история, культурно-национальный подход, теория диалога и консенсуса, геополитика и пр.). Этот мутный поток направляют спецслужбы [14].

Журнал будет рецензировать преимущественно те книги, которые дают основание для рефлексии, анализа и критики указанных тенденций. Особое внимание принадлежит

альтернативным концепциям, которые замалчиваются и вытесняются из публичного обихода. Приглашаем коллег к сотрудничеству в направлении, которое указал В.Набоков: одаренный читатель – это гражданин мира, не подчиняющийся пространственным и временным законам; он интересуется частностями, а не большими идеями [13, с. 25-26].

В.П.Макаренко

* * *

На склоне СССР выдающийся поэт С.Липкин писал: «Сейчас критики режима из числа его создателей и слуг кручинятся по поводу того, что среди среднего, старшего и высшего состава руководителей растут шовинизм, стяжательство, жадность, грязного пошиба эпикурейство, полное равнодушие, презрение к всечеловеческой идее да и вообще ко всякой идее. Как это ни странно, а нам, жителям, такая кажущаяся деградация приносит известное облечение, выход. Принципиальные изуверы досталинской эпохи и периода первых пятилеток были для населения хуже, вреднее нынешних алчных, продажных золоторотцев, не верящих ни в чох, ни в сон. Тело государства, пусть медленно, пусть болезненно, освобождается от раковой опухоли путем заражения сифилисом. Благой путь!» [9, с. 98-99].

Как известно, «закат Европы» породил целые библиотеки философской рефлексии и длится до сих пор. Согласно логике С.Липкина, «закат СССР» интересен только специалистам по социальной медицине. К средним векам восходит концепт «тело государства». В его состав входят высшее лицо государства, аппарат власти и управления. Этот концепт в рассуждении С.Липкина переплетен с идеей Б.Мандевилля: человеческие пороки необходимы для блага государства. И потому надо описывать процесс замены «принципиальных изуверов» первых десятилетий Советского Союза на «продажных золоторотцев» периода ее заката. Тело нынешнего российского государства – это синтез золотарей с сифилитиками. И потому лучше СССР.

Бывший диссидент Г.Павловский думает иначе. В предисловии к книге Н.Н.Козловой он пишет: «Советское попросту отделилось и освободилось от ностальгии по СССР. И вырисовывается сокровище советской цивилизации, которое предстоит оценить. Она здесь, ее чеканы и образцы уже не выскоблить из опыта будущего человечества... Советская проблема возобновляется как проект справедливого глобального руководства, основанного на знаниях. Советский Союз – общемировой клад социальных, государственных и экзистенциальных моделей... Всякая государственная система в России, - вещает Г.Павловский, - какой бы та ни была, будет основана на советском фундаменте, и работать будет с вечной библиотекой советских национальных и культурных образцов» [16. с. 3-5]. Тоже известный ход мысли: «лучший из

миров» расположен в нашем хуторе; а то, что было вчера, лучше того, что есть сегодня. Поэтому СССР лучше России...

Кто же прав – поэт или бывший диссидент? Скажу вначале о диссидентах. Как пишут в журнале «Новое литературное обозрение», в настоящее время в стране стремительно нарастает политический и идеологический конформизм. Многие «властители дум», «люди пера и микрофона» славят «сильное государство», «великую Россию» и забывают о человеке. Поэтому надо вспомнить о диссидентах, которые последовательно отстаивали права личности на свободу и самостоятельный выбор идейных и жизненных ориентиров. Однако о преобразовании диссидентов типа Г.Павловского в кремлевских политологов исследовательский проект «Словарь диссидентов: представители оппозиционных движений в коммунистических странах Центральной и Восточной Европы в период 1956-1989» ничего не сообщает [18].

Возникает вопрос: почему же бывший диссидент, а теперь - кремлевский политолог - написал предисловие к исследованию покойной Наташи Козловой? Как известно, диссиденты, а вслед за ними и большинство журналистов квалифицируют советских людей как Homo soveticus. Н.Н.Козлова с этой тенденцией не согласна. На основе анализа «Народного архива» (дневников простых советских людей) она описала ментальную карту типов советских людей. В состав данной карты входят следующие фигуры: 1. Бессознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел - стал читать Библию. 2. Верноподданный офицер после войны читал лекции на тему «Роль т.Сталина в организации ремонта бочек на фронте». 3. Профсоюзный деятель с полностью атрофированной социальной памятью. 4. Председатель колхоза – ярый сталинист. 5. Осведомитель НКВД носил подмышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Но текстов классиков марксизма так и не осилил. Под культурой понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы «погулять с ними с форсом». 6. Тупоголовый партийный и профсоюзный работник, который жил и мыслил в языке советских плакатов. 7. Простая женщина, для которой письмо «наверх» и Отчечаш выступали в одной функции: как взывание к Богу. 8. Жертва режима (жена заключенного, а затем художница) стала элементом советского истеблишмента, клепала портреты советского великого кормчего как «самый ходовой товар».¹ 9. Бывшие люди (сложившиеся до 1917 г. деятели искусства - М.Булгаков, М.Горький, К.Чуковский, Л.Сейфулина, Б.Пильняк, П.Корин, Д.Шостакович, А.Толстой и пр.) – славили советскую власть за деньги, дачу, квартиру.² 10. Молодежь периода «застоя» превратила труд в абстрактную

¹ Эта дама считает вехи официальной истории СССР (революция 1917 года; преступления Сталина и коммунистической клики; ВОВ 1941-1945 гг.; распад великой державы в 1991 г.) главными событиями XX века.

² Они были носителями отъявленного цинизма. Вот его примеры. Чтобы получить государственный заказ на книжку о Сталине М.Кольцов хотел использовать пионеров, которые собирались с визитом к Сталину и на встрече должны были выступить инициаторами заказа. А в 1934 г. Кольцов привез из Германии мальчика: «Никаких сантиментов тут нет. Мы заставим этого мальчика писать дневник о Советской стране и через

категорию, а досуг – в главное пространство общения. 11. Дети советской номенклатуры - новые буржуа, писатели, художники [8, с.104, 217,328, 360-361, 420].

Обратим внимание: большинство указанных типов состоит из советских малых и больших начальников, их бессловесных рабов и идеологической обслуги. Ни одного профессионала в карте нет. Самое главное, считает Н.Н.Козлова, эти люди готовы были все *простить* государству в любой момент: «И этот момент прощения, восстановления попорченной было чести (отмена раскулачивания, возвращение отобранных избирательных прав, получение паспорта, проскальзывание на рабфак и тем более в вуз) для многих, вероятно, был переломным моментом в жизни, после которого они, благодарные, начинали этому государству служить – конечно, с разной степенью истовости» [8, с. 486].

Итак, вместо ментальной карты Н.Козлова предлагает старую идею о *тождестве* государства и типов людей. Но Гегель, к примеру, ограничивал это тождество формами политического мышления (политическое умонастроение, корпоративный дух, государственный разум), образующими предпосылку «разумного государства» [10, с. 58-68]. Н.Козлова ничего не говорит о том, насколько советское государство было «разумным». А предлагает типологию, которая базируется на перевернутом критерии оценки - готовности индивидов все простить государству и стать его холуями.

Вдумаемся в этот вывод, претендующий на политическую мудрость. Если человек незаслуженно нанес нам вред – мы используем необходимую оборону и даже уголовный кодекс на нашей стороне, не говоря о кровной мести. Если нас обидели государевы люди – мы обязаны лизать им руки и другие части тела, а не привлекать к ответственности. Парадокс в том, - отмечает Н.Н.Козлова, - что советский модерн – это аппарат надзора и монополия государства на средства насилия. Социальные технологии повседневного сопротивления ведут к службе государству. В постсоветской России происходит постоянная регенерация таких стратегий [10, с. 471-486].

Теперь понятно, почему будущему человечеству, от имени которого выступает Г.Павловский, надо ориентироваться на советские «чеканы и образцы». Если воспользоваться терминологией «Народного архива», то будущее человечество должно состоять из «тайных собак» и «казенных попугаев» - тех, кто не понимает ничего, делает без рассуждения все, что ему прикажут, никогда не имеет собственного мнения и на все смотрит сквозь

полгода издадим этот дневник, а мальчика отошлем в Германию. Заработаем!»». До 1938 г. шелковые чулки в Москве можно было купить только у жены Кольцова, который наладил конвейер из Испании (туда он ездил корреспондентом). В 1936 г. А.Ахматова поехала с Пильняком в открытой машине из Ленинграда в Москву. «Где-то под Тверью с ними случилась небольшая авария, пришлось остановиться и чинить машину. Сбежались колхозники. И легковая машина, и костюм Пильняка обнаруживали в нем советского барина. Это сразу вызвало вражду. Одна баба всю силу своего негодования обратила на Ахматову. «Это – дворянка, - угрожающе выкрикивала она, - разве вы не видите?». Короче говоря, в сознании колхозников образы «деятели культуры», партийного чиновника и «дворянки» слились воедино. См.: [8, с. 387].

правительственные очки. Интеллектуальная обслуга Кремля требует воспроизводства таких свойств и типов людей. Такова, видимо, главная причина создания предисловия.

Однако существуют и другие подходы к описанию истории, которые позволяют поставить под вопрос саму идею тождества государства и типов людей. Любое историческое событие никогда не постигается непосредственно и во всем объеме, а всегда воспринимается частично и косвенно, через документы и свидетельства. Оно всегда предполагает определенную точку зрения на события, есть нечто, что невозможно знать априорно. При этом всегда существует угроза подмены подлинных истин так называемыми «простыми истинами». Банальность прошлого состоит из незначительных особенностей, которые, умножаясь, в конечном счете создают совершенно неожиданную картину [1, с. 7-11]. В книге Н.Н.Козловой содержатся и другие факты, на которые не обратила внимания ни она, ни ее идейный покровитель.

Для первичной систематизации таких фактов воспользуюсь опытом своей покойной мамы. Она тоже была простым советским человеком.

Во время германско-советской войны мама проделала длинный путь эвакуированного из Украины до Моздока. С детства рассказывала мне много всякой всячины, о которой ничего не сообщали советские книги и газеты. Наконец, из «Народного архива» я извлек подтверждение правдивости всех рассказов мамы. Скажу лишь о некоторых.

Дама-жена заключенного сообщает: пока ехали в эвакуацию по территории Украины – вопрос с ночлегом разрешался легко; только переехали границу Воронежской области – все изменилось: советских людей советские же люди держали на улице в холод; требовали деньги за ночлег; произошло нашествие вшей; вошебойка на вокзалах стала нормой [1, с.347-352].

Подтверждение этой информации можно обнаружить в мемуарах москвича – бывшего студента МИФЛИ. Он вел дневник с начала и до конца войны, потом засунул его в чулан на пятьдесят лет, но недавно опубликовал. Среди прочего сообщает: 19.07.42 г. «Мы уже в Ростовской области. Прощай, Донбасс, прощай, Украина!.. В ростовских хуторах население относится к нам совсем по-другому. На Украине каждый готов был отдать все, что у него было, и обижался, когда мы за это платили. Здесь без скандала нельзя достать глоток молока» [22, с. 68].

В данных фактах нетрудно увидеть проблему сравнительной жадности населения республик и регионов бывшего СССР.

Моя мама называла «немецкими подстилками» женщин, которые спали с немцами. Но отношение к ним было разным. Например, в Чехословакии после войны их водили по улицам под охраной милиции, на голове выбривали свастику, на груди вешали фанерку со свастикой. В СССР ситуация была иной. В фольклоре существовал песня о молодой девушке, которая «немцу улыбается». Газеты сообщали, что только в Харькове подстилки родили 60

тысяч фрицев. Видимо, и земляки не отставали. В газете «Голос Ростова» во время германской оккупации было объявление о том, что «...публичному дому для немецких солдат требуются сто красивых девушек. В первый же день было 300 заявлений» [21, с. 173]. Однако я до сих пор не слыхал, чтобы этих дам советская власть подвергала уголовной или гражданской казни. Первая капитальная монография о коллаборационизме в Советской России уже есть, но в ней об этом ничего не сообщается [20]. Значит, надо обратиться к фактам свидетельствующим о сталинском гуманизме – как раз во время советско-германской войны.

Вот первый факт. После разгрома немцев под Москвой советский поэт Н.Н.Асеев вместе с главным сталинским писателем А.А.Фадеевым отправился в прифронтовую зону, в места, только что освобожденные от врага. «И там в одной из освобожденных деревень он увидел местных деревенских ребятишек, которые лихо скатывались с обрыва на обледеневших немецких трупах – как на салазках. Макабрическое зрелище это привело старого поэта в ужас, и своими мыслями по этому поводу он поделился с Фадеевым. Фадеев на него наорал, обозвав абстрактным гуманистом и жалким интеллигентиком, не способным разделить чувство священной ненависти к врагу, которым охвачен весь советский народ, включая малых детей» [19, с. 91-92].

Второй факт такой. После первой публикации фотографии З.Космодемьянской в газете многие женщины признали в ней свою дочь. Однако после первой эксгумации никто из прибывших матерей не опознал в трупе своей дочери. А после второй (когда З.Космодемьянской уже присвоили звание Героя Советского Союза) у нее оказалось сразу несколько матерей [5, с. 16].

Наконец, для характеристики гуманизма «великого кормчего», учредившего орден «Мать-героиня», приведу третий факт. Согласно инструкции, многодетной матери для получения пособия надо было совершить следующие действия: «Государственное пособие выдается каждой матери, имеющей не менее семи детей, из которых младшему менее пяти лет. Не принимаются в расчет умершие дети, а также пасынки и падчерицы, дети усыновленные и дети, являющиеся иностранными подданными. Выплата государственного пособия прекращается: а) в случае смерти ребенка, на которого назначено пособие; б) в случае смерти кого-либо из других детей многодетной матери, если в связи с этим число оставшихся в живых детей окажется меньше семи человек. В случае смерти матери выплата пособия прекращается. К заявлению должны быть обязательно приложены свидетельства о рождении. В случае невозможности представить подлинное свидетельство о рождении факт принадлежности матери данного ребенка должен быть удостоверен народным судом. Кроме того, к заявлению обязательно должны быть приложены: в сельской местности – протокол заседания сельского Совета, и в городской местности – справка, выданная

органами Рабоче-крестьянской милиции, удостоверяющая число детей данной матери. На детей, проживающих отдельно, мать должна представить справки о нахождении их в живых. Справки должны быть датированы не раньше, чем за три месяца до подачи заявления. В случае возникновения сомнений работник бюро ЗАГСа обязан провести проверку их путем наведения справок в книгах и архивах органов ЗАГСа. Районное или городское бюро ЗАГСа составляет заключение и направляет его со всеми документами в районный исполнительный комитет или городской совет. В случае сомнения районный исполнительный комитет или городской совет назначает повторную проверку. При получении личной книжки мать обязана дать подписку о том, что все ее дети, принятые в расчет при назначении пособия, к моменту получения этой книжки находятся в живых и что она предупреждена об ответственности за дачу неправильных сведений. При получении государственного пособия за второй и следующий годы многодетная мать должна вновь представить в городской или районный финансовый отдел справку районного или городского бюро ЗАГСа о том, что все ее дети, принятые в расчет при назначении пособия, находятся в живых. Районное или городское бюро ЗАГСа выдает эту справку лишь при представлении матерью всех протоколов и справок, указанных в ст.8» [17, с. 302-303].

Ученые остальных стран могут поискать аналогичные примеры у себя на родине... Для облегчения этой задачи можно воспользоваться мемуарами графини Л.А.Успенской. Она сообщает, что после гражданской войны в России жизнь русской эмиграции в Праге была самой неинтересной, а Прага – тоскливый город, поскольку там живут чехи. В доказательство приводит две истории:

1. «Там был такой обычай – что когда какая-нибудь девица хочет выйти в люди, она находит себе жениха и оплачивает его учение. Если ему не на что учиться... И они договариваются, он кончает учение, и они женятся. И вот, у брата был товарищ, чех, который был под таким обязательством. И она ему высылала каждый месяц столько-то денег, и все. И за три месяца до окончания он влюбился по-настоящему. Он к ней поехал и сказал: «Я тебе все верну. Меня уже ждет работа. И моя невеста тоже работает. Я тебе обязуюсь все вернуть». Но она ему сказала: «Нет. Договор есть договор». И он пошел и зарезался... И когда его хоронили, то огорчались два человека – мой брат и еще один русский, который там учился. Все остальные говорили: «Какой подлец! Как он девушку подвел – взял ее приданое, и теперь у нее нет ни жениха, ни денег». Такие вот нравы. На этом фоне мы, русские, как-то не вписывались в это все совершенно».

2. «Один молодой человек поехал с девицей на мотоциклетке. Доехали они до какой-то полянки, он сказал: «Ну давай, ложись!» А она говорит: «Нет». Он ей: «Ах ты, бесстыдница, я истратил на бензин столько-то, а ты что!» Все рассчитывалось так... Такое скотство было распространено с пятнадцати лет.

И там часто удивлялись: «Он с ней ходил с пятнадцати лет, а потом еще на ней женился. Подумайте, какой хороший человек!» [6, с. 322, 329-330].

Значит, тема сравнительного политического гуманизма и внутренней и внешней продажности славянских народов тоже назрела. Возможно, что с учетом энергетического кризиса проблема смещается к ценам на бензин...

После взятия советской армией Черновцов на улицах не было ни народа, ни привычных для СССР портретов. Правда, над горсоветом повесили лозунг «Слава советским воинам!», а на входе в винный магазин и в венерический диспансер - «Добро пожаловать, советские воины!». Одновременно в город налетела «саранча» из Свердловска и других городов СССР, чтобы раскупить квартиры выселенных румынов и поляков по дешевке, поскольку по документам продавались не квартиры или дома, а имущество [6, с. 102-103].

Нельзя ли предположить, что комплекс таких фактов позволит лучше описать советскую цивилизацию, за воспроизводство которой ратует политолог из Кремля?

Кроме того, нуждается в конкретизации концепт *homo soveticus*, с которым полемизирует Н.Н.Козлова. Б.А.Грушин на основе сорокалетних исследований массового сознания показал, что СССР включал в себя две реальности: обычную жизнь; строительство нового общества. Все население делилось на три типа: *homo sapiens* жил в первой реальности; *homo communisticus* – во второй; *homo soveticus* жил одновременно в двух мирах.

На этой основе возникла новая порода человеческих особей: по анатомии и физиологии они были *homo sapiens*, но отличались от человека разумного советским менталитетом - способом чувственного восприятия мира и суждений о нем. Этот менталитет передавался с молоком матери, поддерживался всей системой воспитания и до поры до времени бесконфликтно совмещал в себе представления о «простой жизни» и «борьбе за коммунизм». Но с первого и до последнего года существования советской власти существовал *разрыв* во взглядах между *homo communisticus* и *homo sapiens*. Те, кто не поддавался на удочку коммунистической пропаганды, реализовывали собственные, а не общественные цели. Это обстоятельство порождало конфликты в советском менталитете.

Первый конфликт связан с волей и готовностью к переменам. Здесь противостояли друг другу два типа сознания (позитивное полагало, что такие перемены необходимы; негативное отрицало эту необходимость) и два субъекта-носителя: часть молодежи из состава комсомольских активистов; все остальные слои и группы населения, начиная с последних рядовых граждан и кончая первыми лицами партии и государства. Окончательная победа оказалась за первыми. Секретари райкомов и горкомов ВЛКСМ были связаны между собой. А в годы, предшествовавшие началу перестройки, многие из них переместились в КГБ и смогли воспользоваться в личных целях начавшимися в стране преобразованиями.

Второй конфликт – между народом и властью. Носителями советского менталитета были работники органов управления. Их деятельность осуществлялась по законам массового поведения, и не опиралась на профессиональные знания и умения. Конфликт сводился к вопросу: кто в стране правит - народ или власть?

При сталинизме вопрос решался в пользу власти; народ не мог заикнуться о своих намерениях участвовать в решении вопросов общественной жизни. Но в эпоху застоя сталинизм начал дышать на ладан. Рядовые трудящиеся начали полемику с властью. Вначале она была скромной, затрагивала частные сюжеты. Потом превратилась в громогласную, по широкому кругу проблем.

Большинство управленцев прошли сталинскую школу власти. И потому всеми силами пытались задержать вторжение народных масс в управление. Но Агитпроп уже не мог добиться тотального контроля над умами простых смертных и над СМИ. Отсюда вытекает парадокс современного этапа развития России: органы власти не справились с проведением реформ, которые замышлялись для преодоления бедственной экономической ситуации и повышения уровня жизни населения; массы населения не смогли добиться успеха в борьбе с властью. Они не владели азами борьбы за свои интересы. Поэтому их протест не содержал реальной угрозы советской власти.

Таким образом, застой означал не остановку в развитии, а вступление советского общества в последнюю стадию жизни, завершившуюся смертью [2, с. 839-879].

Таков социологически доказанный итог деятельности советских людей. Значит, стремление выбиться в начальство с одновременным прощением государству на деле оказалось предпосылкой смерти советского общества. Таково одно из политических непредвиденных следствий верноподданнической православной морали, не замеченное Н.Н.Козловой.

Откуда же взялся сам концепт «ментальной карты», который Н.Н.Козлова использует для толкования фактов? Слово «ментальность» пустил в оборот Арон Яковлевич Гуревич в 1960-е гг.: «Теперь слово это так опошлили, что я, как историк, боюсь лишний раз его произносить, потому что могут неправильно понять – имею ли я в виду категорию исторического знания или же то, о чем уже с думской трибуны говорят: «Нам менталитет русского народа не позволяет...» [3, с. 115].

Значение А.Я.Гуревича как ученого стало предметом анализа в одном из свежих номеров «Нового литературного обозрения» [15]. Незадолго до смерти он опубликовал мемуары. Я спрашивал у своих университетских коллег-историков, читали ли они эту книгу. Убедившись, что не все о ней даже слышали, опишу главные идеи мемуаров А.Я.Гуревича - гражданина, прожившего жизнь в СССР. Я не буду сейчас вступать в дискуссию о

ментальности как категории исторического знания, а также о мемуарах как историографическом источнике.³

Начну с общей оценки истории СССР и второй мировой войны. Криминализация страны началась не в течение последнего десятилетия, а была подготовлена разрухой после Февральской революции, усилена Октябрьской революцией 1917 года и победила при Сталине. Сталинский аппарат власти и управления – это преступники, которые «...прикрылись мундирами, воинскими и партийными званиями и выстроились в возглавляемую паханом иерархию» [3, с. 87]. Уже во время Потсдамской конференции лидеров антигитлеровской коалиции английские граждане проголосовали против Черчилля. Политическая активность англичан контрастировала с пассивностью наших отцов и дедов. «Теперь было совершенно очевидно, - пишет историк, - что победивший Гитлера советский народ проиграл войну - проиграл в том смысле, что был не в состоянии воспользоваться военной победой для демократического преобразования собственной родины» [3, с. 85-87].

Таков парадокс: побежденные страны (Германия, Япония, Италия) после искоренения фашистских, нацистских и милитаристских режимов были поставлены перед необходимостью пойти по пути демократизации. «Страна же, которая принесла наибольшие жертвы в годы Второй мировой войны и заплатила за победу беспримерную цену, оказалась побежденной собственным режимом» [3, с. 87].

Когда же именно у людей поколения А.Я.Гуревича начали открываться глаза на то, что общество, которое официально называется самым прогрессивным, на деле представляет собой нечто совершенно иное? Возможны разные ответы: доклад Хрущева; события в Венгрии; события в Чехословакии; горбачевская перестройка. Так или иначе ответ на вопрос связан с генезисом механизмов культурного сопротивления советской власти. В ответе историк повторил то, что мне с детства рассказывала мама. Она видела, как представители власти первыми бежали от немцев, оставляя население на произвол судьбы. Гуревич пишет, что у людей, с которыми он был духовно связан, уже во второй половине 40-х годов не возникало никаких сомнений относительно советской действительности: «Законченно критическое, негативное отношение к нашему общественному строю установилось у меня только в 1945 году» [3, с. 80].

При этом важную роль имели следующие факторы.

Отношение к общественной жизни СССР 1950-1980-х гг: «Мы знали, что в общественной жизни нельзя принимать никакого участия, потому что это негигиенично и ни к чему хорошему не приведет» [3, с. 240].

³ Обычно мемуары пишут представители интеллектуальных, научных, политических и прочих элит. У каждой из них свой жизненный опыт и восприятие прошлого. С точки зрения источниковедения самым ущербным в содержании воспоминаний является их деформация и модернизация с течением времени. Мемуары отражают личность человека и историческое сознание общества в момент их написания, а не во время описываемых событий. См.: [7, с. 270-277].

Квалификация советского научного сообщества. Из мемуаров можно узнать много полезного о советской исторической элите, центральных структурах исторической науки, советских предпосылках современного научного сообщества России. Е.А.Косминский считал академическую элиту камарильей, которая отплясывала свой танец под эгидой Отдела науки ЦК КПСС. Академик С.Д.Сказкин до последнего дня сохранял в медиевистике неограниченную монополию власти - занимал несколько должностей. Одновременно это был человек «абсолютно управляемый всеми, кто имел отношение к власти, к авторитету, кто мог внушить ему некоторый трепет, - а его легко было напугать». Н.А.Сидорова больше всех способствовала вырождению медиевистики в Москве. Когда А.А.Зимин опубликовал работу о проблеме происхождения, датировки и подлинности «Слова о полку Игореве», на него обрушились академики Д.С.Лихачев и Б.А.Рыбаков. Историки – народ вообще пуганый, - так квалифицирует советское историческое сообщество А.Я.Гуревич [3, с. 20, 40, 137, 148, 158].

Центральные структуры исторической науки культивировали всеобщий холоуж и бездарность. Институт всеобщей истории АН СССР был пристанищем детей и родственников высокопоставленных лиц. Послы, министры, секретари ЦК пристраивали своих бездарных чад в академических институтах. Простому смертному прийти туда было невозможно. В результате даже оценка аспиранту могла стать причиной склоки и партийного разбирательства. МГУ отличался крайним консерватизмом в сфере гуманитарных исследований. Ведущие ученые там не работали [3, с. 143-144, 164, 170].

Но советские академики-философы были еще хуже, поскольку эксплуатировали чужой интеллект. А.И.Рубин переводил сочинения зарубежных мыслителей, но публиковались эти переводы под фамилией «официального философа» Г.Ф.Александрова. Однажды Институт философии приехал французский философ и обнаружил, что там есть неокантианцы, позитивисты, логические позитивисты, гегельянцы, младогегельянцы, но марксистов не оказалось. Однако на Гуревича не повлияла даже «прогрессивная философская мысль» СССР. А тексты Э.В.Ильенкова его вообще разочаровали. «Я видел, что трудившиеся в этом институте профессиональные философы, даже наиболее продвинутые среди них, умные, талантливые, имеют один коренной недостаток – они верхогляды... Здесь царило пренебрежение к историкам, которые занимаются фактами. Историк своим конкретным материалом сыпал песочек в их замечательные буксы» [3, с. 128-129].

Не менее показателен генезис современной российской культурологии. В 1966 г. сталинский выкормыш академик П.Ф.Юдин закончил все виды своей партийной, идеологической и дипломатической карьеры. Окопался в секторе истории мировой культуры в Институте философии АН СССР и задумал

четырёхтомное издание «История мировой культуры». Так возникало современное научное сообщество. Сразу после войны научным работникам резко повысили заработную плату. Среди историков появилась шутка: «год великого перелома» в истории СССР имел место дважды: в 1930-м году середняк пошел в колхоз; после войны «середняк пошел в докторантуру». Стало выгодно защитить докторскую диссертацию любой ценой. Это открывало возможность занять профессорское место, дававшее привилегии и регалии. Теперь не научное призвание и способности двигали многими, но чуждые науке интересы. Этические требования в научной среде были разрушены. Кандидаты наук могли вообще не знать ничего. А докторскую диссертацию один из знакомых автора изготовил так: «оторвал корешок у своей кандидатской и заменил первую страницу, где было сказано, что это диссертация на соискание ученой степени кандидата наук» [3, с. 127]. Советская власть разрушила научные школы. В результате произошло катастрофическое падение научного уровня исторических исследований, резкое сужение проблематики, культивирование цинизма и безнравственности среди ученых.

Важным компонентом культурного сопротивления является характер ученого – его умение идти против течения. Компоненты научной интуиции – ум, интерес к работе, трудолюбие, а главное – открытость для новых идей и фактов, при которой рушится всякий догматизм. Не надо идти на компромиссы: «Пример немалого числа окружающих, которые склонны были проявлять гибкость, простирающуюся вплоть до беспринципности, постоянно был перед моими глазами и служил предостережением». А.Я.Гуревич пишет, что ему приходилось подвергать свое сознание коренной перестройке почти в полном одиночестве и в обстановке нарастающей настороженности коллег: «Поэтому столь важным было не поддаться господствующим умонастроениям и не побояться поступать наперекор общепринятым установкам, научным и идеологическим». «Когда речь идет об острых научных и идеологических вопросах, ученому надлежит четко обозначить свои позиции и не идти ни на какие компромиссы, если только они не диктуются научными соображениями». «Вскоре я обнаружил, что гораздо большую отдачу я могу получить от людей, находящихся на периферии исторического знания, нежели от иных своих собратьев-историков» [3, с. 118, 119, 195, 196].

Существенное значение имеет также выбор направления исследований, противостоящего популярным темам, главенство научных занятий над повседневной жизнью. В 1960-е гг. «... я ощущал настоящее раскрепощение и чувствовал, что нащупал очень важную стезю для научных занятий, с которой меня уже нельзя свернуть, и никакие критические замечания и угрозы на меня подействовать не могут». «Неизбежная сращенность, органическая связь человека и его творчества мне кажутся очень существенными... Ум никому не помешал, но главное для человека – его характер». Никогда роман с женщиной

не доставлял мне стольких переживаний, сколько отношения с учителем». «Моя жизнь текла между трудами и трудами». Специально путешествовать по какой-нибудь привлекательной стране у меня не было особого желания. И в более поздние годы А.Я.Гуревич ездил на Запад работать, а не веселиться. Едва работа кончалась, возвращался в свои пенаты [3, с. 136, 147, 152, 227, 241].

В целом самостоятельность ученого заключается не в абсолютной самобытности его идей, а в его способности разделить учение наиболее перспективного и плодотворного научного направления своего времени и сделать в него свой вклад. Попутно А.Я.Гуревич сообщает, что продуктивность научных конференций и конгрессов, где присутствуют несколько тысяч человек, ниже нуля, научные вопросы на таких «митингах» почти не обсуждаются [3, с. 227, 165].

Все указанные качества советского научного сообщества воспроизводятся в современной России: «Эта внутренняя разобщенность, неспособность объединиться на чисто научной почве является ... одним из важнейших препятствий для развития гуманитарного знания у нас... В наших постсоветских условиях, когда нам достались в наследство далеко не самые лучшие научные традиции, эта забота приобретает принципиальное значение» [3, с. 172-173].

Таким образом, А.Я.Гуревич реализует совершенно иное отношение к «чеканам и образцам советской цивилизации» по сравнению с тем, которое пропагандирует Г.Павловский. Одновременно историк приводит такой факт, который позволяет приоткрыть сокровенный смысл призывов кремлевского политолога. Коммунистическая аудитория располагалась в старом здании МГУ. После войны перед зданием воздвигли статую Ломоносова. Великий ученый стоял, прижимая к боку большой свернутый свиток. Студенты, прогуливая подруг вокруг монумента, останавливали их за плечом гиганта русской науки: «Если ракурс был выбран удачно, перед ничего не подозревающими зрителями свиток превращался в колоссальный фаллос» [3, с. 74]. В 1960-гг. статую заменили сидящим Ломоносовым.

Не следует ли отсюда, что борцы за возврат к советскому прошлому хотят опять воздвигнуть стоячего Ломоносова?..

Поставлю вопрос перед читателями.

В.П. Макаренко

ЛИТЕРАТУРА

1. Вен П. Как пишут истории. Опыт эпистемологии. М., 2003.
2. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен

Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4-х кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2). М., 2006.

3. *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004.

4. *Дубин Б.В.* Советский и постсоветский исторический роман: герои, поэтика, социальные функции // Феномен прошлого. Отв. ред. И.М.Савельева, А.В.Полетаев. М., 2005.

5. *Звягинцев В.Е.* Война на весах Фемиды. Война 1941-1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М., 2006.

6. *Интервью с Лидией Александровной Успенской* (1906 г.р., урожденной Мягковой). Интервьюер Софья Чуйкина // *Ab Imperio*. 2004. № 1.

7. *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика.* Под ред. А.К.Соколова. М., 2004.

8. *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

9. *Липкин С.* Квадрига. Повесть. Мемуары. М., 1997.

10. *Макаренко В.П.* Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов-на-Дону, 1985.

11. *Мещеряков Б.Г., Некрасова А.В.* Макиавеллизм: правда и ложь в повседневной жизни // *Человек*. 2005. № 6.

12. *Мыслящая Россия.* Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.

13. *Набоков В.* Лекции по русской литературе. М., 1996.

14. *Наука и квазинаука.* Под ред. В.М.Найдыша. М., 2008.

15. *Новое литературное обозрение.* 2006. № 81.

16. *Павловский Г.* Жизнь в СССР и «советская проблема» // *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

17. *Паперный В.* Культура Два. М., 1996.

18. *Писатели-диссиденты* // *НЛО*. 2004. № 66/2, 67/3, 68/4.

19. *Сарнов Б.* Скуки не было. Вторая книга воспоминаний. М., 2005.

20. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000.

21. *Смирнов В.В.* Ростов под тенью свастики. Ростов-на-Дону, 2006.

22. *Стеженский В.* Солдатский дневник. Военные страницы. М., 2005.

23. *Тарасов А.Н.* Ложь в политике, или желтый логарифм. М., 2007.